

Вадим Георгиевич Кропанев, ассистент соруководителя МП «Международные отношения: европейские и азиатские исследования» Факультета мировой экономики и мировой политики, приглашённый преподаватель и специалист по учебно-методической работе Кафедры проблем безопасности Института проблем безопасности НИУ ВШЭ.

Азы «государствопонимания» для международника

Введение

Каждому человеку, казалось бы, знакомо такое понятие, как «государство». Ведь оно окружает нас в повседневной жизни – будь то телевидение или учебники по истории, или газеты политического толка, или в принципе любой иной источник информации. Вот только нечасто находятся те, кто задумывается о том, что же такое «государство» на самом деле, хотя для специалистов в международных отношениях это важная и, порою, фундаментальная проблема (особенно для последователей знаменитой школы реализма, где центральный актер - государство).

Можно ли прикоснуться к государству? Представить его? Создать либо разрушить? Помочь найти ответы на подобные вопросы призваны размышления и труды таких теоретиков и исследователей, как Олег Валерьевич Хархордин, Пьер Бурдьё и Илья Львович Честнов. Безусловно, существует масса иных заслуживающих внимания теорий, однако чтобы получить основные, но твёрдые понятия о государстве, специалисту в международных отношениях рекомендуется начать с данных трёх мыслителей.

Олег Валерьевич Хархордин

«Государство существует, главным образом, в сердцах и умах людей: и если они не верят, что оно существует, то никакие логические упражнения не вызовут его к жизни» [1]. Именно такими словами начинается статья О.В. Хархордина, которая станет отправной точкой в устремлении раскрытия понятия «государство».

Тем не менее, сразу же возникает вопрос: почему никакой логический метод не способен воплотить или, более того, материализовать государство в жизнь? Как быть, если мы привыкли к формулировкам из ряда: «государство

сделало» или «государство объявило войну», или «государство подписало договор» и т. п.? На такой проблематичный вопрос у Хархордина существует весьма ясный ответ: «Даже если утверждения, в которых упоминаются действия государства, имеют смысл, они тем не менее систематически вводят в заблуждение, поскольку в большинстве случаев мы интуитивно исходим из того, что можем обнаружить логический субъект действия, подразумеваемый в высказывании, за счет указания на некую реальность. Однако поиски эмпирического референта для такого понятия как «государство» бессмысленны, поскольку высказывание, описывающее действия государства, имеет только грамматический субъект – т. е. слово «государство» является подлежащим, сопровождаемым сказуемым, – но не имеет при этом логического субъекта, в отличие от высказывания типа «Петр строит дом», где присутствует как грамматический, так и логический субъект» [2]. Таким образом, государство является некой абстракцией, обозначением массы привычных нам вещей собирательным термином.

Следующий важный шаг – разобраться в том, чем или кем видели государство люди на протяжении стольких веков человеческой истории, то есть, какое толкование давали они. «Сопоставление формирования понятия «государство» в русском и английском языках показывает различные стратегии, которые ведут к установлению тройного различия, лежащего в основании нововременного понятия государства: правитель-государство-подданные. В английском языке различие между правителем и государством настойчиво утверждалось республиканской мыслью, в то время как различие между государственным аппаратом и подданными было осуществлено идеологами абсолютизма. В русском языке, как кажется на первый взгляд, аналогичный результат был достигнут, но как бы в форме зеркального отражения: мысль о различии между персоной правителя и государством насаждалась абсолютистскими мыслителями (и часто – самими монархами), тогда как субъект действия под названием государство был концептуально противопоставлен подданным прежде всего в зарождающейся республиканской традиции» [3]. Хархордин прослеживает перемены значений государства как в

английском, так и в русском языках, приходя к достаточно интересным выводам.

«Английское слово «state» имеет богатую историю. «Oxford English Dictionary» дает около сорока значений этого слова» [4]. В эпохи Римской империи и Византии оно обозначало статус высоких (высокопоставленных, значимых, влиятельных) людей. Слово «state» как характеристика состояния государства и характеристики отдельных людей через призму права обосновалось в публичном и частном праве соответственно. В период Средневековья возникла концепция призвания и заботы об общем процветании королевства и обозначилось этим словом. Никколо Макиавелли создал в своих поучительных трактатах ещё одно значение – управленец принципата, аппарат эффективного контроля и его юрисдикция на подчинённой принцу территории. В новое время термин стали использовать для отличения фигуры правителя от подданных. Уолтер Ралей понимал «state», как установленный строй власти народа или структуру. А вот Томас Гоббс назвал государство непостижимой абстракцией, которая стоит выше как народа, так и самих правителей.

А как это было в истории России? Хархордин прослеживает такую логическую последовательность: «Слово «государство» является производным от слова «государь», которое обозначало либо хозяина феодального владения, владельца холопов, либо верховного правителя, и которое часто являлось русским эквивалентом латинского слова *dominus*» [5]. Родственным словом к «государь» является «господарь», которое также меняло своё значение, поэтому Хархордин отмечает, что «Несколько позднее слово «господарь» стало использоваться и в политическом смысле, поскольку стало официальным титулом князей» [6]. Миновал этап формирования России из Древнерусского государства, на престол взошли Романовы, и к тому времени «В результате всех этих трансформаций слово «государство» стало обозначать, во-первых, свойство или качество бытия государем, т. е. его достоинство и господство, присущее состоянию государства, и, во-вторых, территорию его правления. Первоначально это слово главным образом обозначало качество бытия

dominus'ом – как мы сказали бы сейчас, господином над холопами – или процесс того, что на средневековой латыни могло бы звучать как *dominatio*, на итальянском языке Макиавелли *dominio*, а на современном русском – «господство» или «власть» [7]. «Триада «правитель-государство-подданные», центральная для нововременного понятия государства, была сформирована в России в два этапа. Сначала стали настаивать на различии между персоной правителя и его государством, понимаемом теперь часто как «отечество», т. е. сообщество, основанное на кровнородственных связях, общем происхождении и образе жизни. Личное служение государю постепенно стало пониматься как служение стране или, лучше сказать, отечеству, что и помогло отделить государственные дела от личных дел государя» [8]. «В старославянском языке высококнижный термин «отъчество», или «отечствие» – аналог греческого *patris* – первоначально означало «род». Несколько позже под влиянием переводных текстов он стал обозначать и близость по месту рождения, «малую родину». Только значительно позже, в XVII в. он стал обозначать возвышенный, достойный самопожертвования идеал нации» [9].

Из всего ранее указанного можно сделать несколько важных выводов:

- 1) В историческом развитии человечества наблюдается тенденция к поиску общего (кровные отношения, разделяемые идеалы, совместные устремления);
- 2) Другая тенденция – обозначение различий, дистанции между правящим классом и подданными;
- 3) В русском языке проходит чёткая грань между понятиями «государства» («государя») и «отечества», хотя все эти термины изменялись с течением времени.

Основной идеей Харходина выступает концепция делегирования части своих свобод неким политическим силам, следствием чего является возникновение государства. Под делегированием подразумеваются как добровольные, так и насильственные способы возникновения государства (теологическая, патримониальная, психологическая, органическая,

антропологическая и иные теории происхождения). В качестве истоков делегирования автор приводит следующее: «Историки показали, что нововременное понятие политического делегирования, покоящееся на понимании группы как фиктивного агента действия, который может быть представлен одним физическим лицом, восходит к двум средневековым источникам: к схоластическим толкованиям римского права и к средневековым представлениям о королевском сане» [10].

Примерное объяснение данного феномена заключается в следующем: «Делегирование, однако, не является нашим роком: нам только кажется, что рядом с частным должно существовать что-то всеобщее, также воплощенное в отдельном предмете или инстанции. Наоборот, как утверждали средневековые номиналисты, всеобщие понятия существуют как *universalia in re*, как комбинация или конфигурация частных элементов. Поэтому было бы ошибочно наделять их отдельным существованием рядом с частными элементами. Для номиналистов одним из таких примеров являлось тело Христово после его смерти: христиане объединяются в нем непосредственно, напрямую, и поэтому не нуждаются в особом отдельном агенте, который выражал бы их единство во Христе. Таким образом, это понимание универсалий было чуждо концепции христианской церкви как воплощенной в зримом папе и теориям королевства как воплощенного в фигуре короля» [11].

Пьер Бурдьё

Расширить понимание о государстве помогут в том числе и идеи Пьера Бурдьё, одного из крупнейших французских социологов нашего времени. Он полагал, что «Государство можно определить как принцип ортодоксии, то есть как скрытый принцип, который можно обнаружить лишь в проявлениях общественного порядка, понимаемого как физический порядок и в то же время как противоположность беспорядка, анархии и, скажем, гражданской войны. Скрытый принцип, схватываемый в проявлениях общественного порядка, понимаемого одновременно в физическом и символическом смысле» [12].

Пьер Бурдьё, аналогично Хархордину, исследовал этимологию «государства»: «В словарях два определения государства совмещены друг с другом: государство-1 в смысле бюрократического аппарата управления коллективными интересами и государство-2 в смысле территориальной юрисдикции, на которой действует власть этого аппарата. Когда говорят «французское государство», имеется в виду правительство, службы и ведомства, государственная бюрократия, но в то же время и Франция. Символическая операция официализации, вроде той, что выполняется в комиссии, является работой, в которой и благодаря которой государство-1 (в смысле правительства и т. д.) добивается того, что его начинают воспринимать в качестве выражения, проявления государства-2, то есть добивается того, что государство-2 признает государство-1 и соглашается с ним» [13]. Идея делегирования находит прочную основу в словах Бурдьё, но социолог делает значительный уклон в специально санкционированное уверение о существовании государства, вызванное работой особых агентов, которым это выгодно (хотя среди них, безусловно, идёт непрерывная борьба).

Илья Львович Честнов

И.Л. Честнов ставит акцент на непосредственно передовых идеях о государстве. С возникновением новой картины мира стало возможным сделать вывод о том, что «государство наделяется самостоятельным бытием, интересами, задачами-функциями, превосходящими сам факт существования отдельных индивидов. Получается, что государство наделено большей значимостью, чем отдельные люди, роль которых – служить этому Левиафану. В то же время сторонники юридического неопозитивизма, напротив, превращают государство в фикцию – в некий правопорядок. Можно ли рассматривать государство как правопорядок? Можно, конечно, как и редуцировать государство к одному из модусов его бытия – государственной власти, территории либо населению. Но все это одномерные подходы, свойственные классическим концепциям государства и права. В них, например, остаются без внимания и ответа такие принципиально важные проблемы, как

механизм его функционирования в социуме, взаимодействие с другими социальными образованиями и др.» [14].

Учёный связывает судебную власть, правоохранительные органы и законодательство с определением «общественной опасности», чтобы продемонстрировать взаимосвязь государства с определением содержательной части общественных явлений: «Одной из важнейших функций современного/постсовременного государства является правовая политика, которая приписывает юридическое значение некоторым социальным явлениям и процессам, действиям. Однако сегодня невозможно найти объективные ее основания, лежащие, например, в сфере общественной опасности (для уголовно-правовой политики). Нет «безопасных» социальных явлений или видов человеческой деятельности. Степень же общественной опасности – результат оценки властью, ориентированной на общественное мнение, которое, в свою очередь, конструируется и манипулируется властью (в либеральных социумах –разными центрами власти, в консервативных – преимущественно государством)» [15].

Об образе государства в умах людей исследователь писал следующее: «Социальное представление относительно такого абстрактного феномена, как государство, является аморфным, расплывчатым. Особо это касается образа государства, складывающегося на уровне коллективного бессознательного и на обыденном уровне правосознания. Для данных уровней характерна персонификация образа государства с политическими лидерами (в нашей стране – с главой государства), каузальная атрибуция (приписывание известной причины объясняемому сложному явлению), стереотипичность восприятия государства, бинарность, защитный механизм положительной оценки «своей» нации-государства в противоположность «чужим». В то же время современному российскому правосознанию свойственно массовое отчуждение населения от государственной власти» [16].

Возвращаясь к проблеме делегирования, затронутой предыдущими двумя авторами, Честнов задаётся таким вопросом: «Кто же формирует все-таки

социальное представление о государстве? Как и любое другое социальное представление, оно складывается на основе первичной инновации (во многом даже произвола – девиации относительно предшествующего инновации правопорядка), производимой в основном элитой и референтной группой» [17]. «Властные группы, навязывая номинации, используют дискурсивные стратегии, порождающие системы значений, в которых и выражается то или иное социальное представление. Именно дискурс как структурная последовательность интенциональных актов, складывающихся в процессе непосредственной или опосредованной коммуникации, формирует определенную версию реальности. Но социальное представление выражается и в «последующих» дискурсах, которые воспроизводят и видоизменяют его» [18].

Заключение

Надеюсь, представленные идеи трёх известных авторов помогут специалистам в международном праве лучше понять сущность государства и заинтересоваться в теории права и государства, являющейся достаточно сложной, но неотъемлемой частью искусства юриспруденции в континентальной традиции.

Список использованных источников

1. **Хархордин О. В.** Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте / О. В. Хархордин. – Текст: непосредственный // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. С. 152.
2. Там же. С. 153.
3. Там же. С. 189-190.
4. Там же. С. 158.
5. Там же. С. 166.
6. Там же. С. 167.
7. Там же. С. 170.
8. Там же. С. 174.
9. Там же. С. 178.

10. Там же. С. 212.
11. Там же. С. 216.
12. **Бурдьё П.** О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / Пьер Бурдьё. – Текст: непосредственный / Ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 51.
13. Там же. С. 99.
14. **Честнов И. Л.** Постклассическая концепция государства / И. Л. Честнов. – Текст: непосредственный // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №1 (11). С. 141.
15. Там же. С. 142-143.
16. Там же. С. 144.
17. Там же. С. 145.
18. Там же. С. 146.